

УДК 94(4)
ББК 63.3(2)

ОБРАЗ ИВАНА ГРОЗНОГО КАК ЗАЩИТНИКА РУСИ И ПРАВОСЛАВНОГО ХРИСТИАНСТВА В МОСКОВСКОМ ЛЕТОПИСАНИИ

А.С. Новолодский

Аннотация. *Защита Руси со времен правления первых киевских князей считалась ключевой функцией правителя, и исполнение данной функции могло гарантировать государю позитивный образ правителя. В свою очередь воспринимаемый образ правителя существовал не только в сознании современников, но и получал отражение в летописных сводах. Ввиду этого с целью выявления представлений об Иване Грозном как защитнике православного христианства и русского государства были рассмотрены своды московских летописей, которые в целом представляют положительный образ царя. Однако в летописании XVII века, напротив, образ Ивана Грозного не был представлен всецело позитивно. Так, в связи с конкретными историческими событиями царь представлялся малодушным и неспособным правителем. Сведения московских летописей значимы и тем, что позволяют не только выявить бытовавший в восприятии современников образ первого русского царя, но они также предоставляют возможность проследить, каким образом формировался положительный образ Ивана Грозного как защитника государства.*

Ключевые слова: *Иван Грозный, образ, защитник, Московское летописание.*

253

THE IMAGE OF IVAN THE TERRIBLE AS A DEFENDER OF RUSSIA AND ORTHODOX CHRISTIANITY IN MOSCOW CHRONICLES

A.S. Novolodsky

Abstract. *The defense of Russia since the reign of the first Kiev princes was considered a key function of the ruler, and the execution of this function could guarantee the sovereign a positive image of the ruler. In turn, the perceived image of the ruler existed not only in the consciousness of his contemporaries, but was also reflected in the chronicle codes. In view of this, in order to reveal ideas about Ivan the Terrible as a defender of Orthodox Christianity and the Russian state, the codes of Moscow chronicles, which in*

general represent a positive image of the tsar, were examined. However, in the chronicle writing of the 17th century, on the contrary, the image of Ivan the Terrible was not presented entirely positively. Thus, in connection with specific historical events, the king seemed to be a craven and incapable ruler. Information from the Moscow chronicles is also significant as it allows not only to reveal the image of the first Russian tsar in the perception of contemporaries but also provides an opportunity to trace how the positive image of Ivan the Terrible was formed as a protector of the state.

Keywords: *Ivan the terrible, the image, the defender, Moscow Chronicles.*

С о времен правления первых князей одной из узловых функций государя, как указывает В.О. Ключевский, была задача «ограждать и оборонять пределы Руси от степных варваров» [1, с. 151]. С киевских времен многое изменилось, но данная функция государя оставалась и по-прежнему имела важное значение, учитывая положение России. Восточные рубежи государства были разоряемы со стороны казанских татар, над южными рубежами нависала угроза со стороны Крыма. Напряженные отношения, грозящие развязыванием боевых действий, были и с Литвой, и с Польшей. В связи с этим положительное или отрицательное отношение современников к правителю складывалось в соответствии с оценкой, насколько умело и качественно государь мог выполнять свои функции и прежде всего — функцию по защите государства.

Значительную роль в определении существовавшего восприятия образа Ивана Васильевича в XVI в. играют летописные своды. Безусловно, в московском (центральном) летописании отражена официальная идеология правительства, главной задачей которой было всестороннее прославление не только русского го-

сударства, но и его правителей. Московская правительственная идеологическая концепция разделялась не только представителями правящей аристократией, но и духовенством, высшие иерархи которого зачастую являлись авторами различных сочинений, обстоятельно обосновывавших ту самую правительственную систему идеологии.

С целью выявления существовавшей системы оценок личности Ивана Грозного в рамках правительственной идеологической концепции XVI в. прежде всего следовало бы обратиться к Степенной книге царского родословия, которая, как известно, была составлена с целью прославления московского царствующего рода.

В Степенной книге уделено большое внимание формированию образа первого русского царя, который представляется исключительно в положительном ключе. Грозный с молодых лет отличался наличием «премудрости» и «разума», а также «храбрости», коим было преисполнено царское сердце [2, с. 357]. В Книге царь представляется истинным попечителем православного христианства, вверенного ему по воле самого Бога. Притеснение, пленение и стра-

дания православного христианства становятся вескими причинами, которые не в меньшей степени послужили тому, чтобы Иван Грозный развязал войну с «клятвопреступными татарами»: как казанскими, так и крымскими. Однако «благочестивый же царь» Иван Васильевич озабочен не только физическим угнетением православных христиан, но и их духовным истреблением «безбожными» татарами. Война велась, как стремится донести летописец, не только за жизни православных христиан, но и за их души, которые в плену были «многообразными страстями осквернены».

Значимость царских деяний подчеркивается через сравнение Ивана IV с библейским пророком Моисеем, благодаря подвигу которого по воле и милости Божьей из рабского плена от полного геноцида был спасен избранный народ. Так и «царь Иван», по «хотению Бога» сумел «свободити новаго Израиля христоименитыя люди отъ пленения татарска» [там же, с. 365]. Столь яркое и запоминающееся сопоставление царя с ветхозаветным пророком-освободителем способствовало не только формированию общего положительного образа Ивана Грозного, но также играло определяющую роль в конкретизации этого образа.

Описывая историю войны с Казанью, летописец Степенной книги обращает внимание, что Иван Грозный в данном событии проявил себя не только как милостивый царь, радеющей за своих поданных, но и как защитник русской земли от иноплеменного нашествия. Согласно летописному повествованию, Иван Грозный, как мудрый правитель, следуя

божественным заветам, стремился разрешить противостояние с казанскими татарами дипломатическим путем, без допущения пролития крови. Но несмотря на миролюбивый нрав царя, он никак не мог смириться с продолжением разорения русских земель татарами, которые «многия святыя церкви разориша и пожгося, и окресть многихъ градовъ многая места пусты сотвориша» [там же, с. 363].

Защитником православного христианства и русского государства представлен Иван Грозный летописцем Степенной книги и в случае боевых действий с рыцарями Ливонского ордена. Во-первых, царь выступает в поддержку «правверных христиан», на которых немцы «гонение велие воздвигоша». Во-вторых, Иван Грозный предстает покровителем Великого Новгорода и Пскова, «брань супротивну» которых «въздвизаху» рыцари. Необходимо указать, хотя летописец оговаривает, что при этом рыцари многожды и сами были побеждены Новгородом или Псковом, против которых выступали, да и к тому же неоднократно между противоборствующими сторонами были заключены мирные переговоры, однако главным акцентом в этом сообщении выступает факт «бранных» дел немцев. Они «пакости многи содеваху» по отношению к Новгороду и Пскову, мыслимые летописцем как законные вотчины московского правителя, в поддержку которых, как тому подобает моральный и правительственный долг, царь и выступает. В-третьих, Иван IV выступает покровителем «Церкви Христовой», на которую «въсколебашася» «гордости немци».

Несмотря на столь исключитель-но положительный образ первого царя в Степенной книге, в иной Степенной книге, именуемой Латухинской, и составленной почти через сто лет после смерти Ивана Грозного, достаточно глухо, но все же имеется и критический отзыв по отношению к государю. Летописец сообщает, что в лето 7079 (1571) «крымский царь на Россию приходилъ и многую беду учинилъ: царствующий градъ Москву пожегъ», при этом отмечая, что «царь же Иванъ Василиевичъ в то время с опричниною шелъ отъ Серпухова и прошелъ в Александрову слободу» [3, с. 550]. В Книге обращается внимание, что царь именно «прошел» мимо царственного града, где торжествовал враг, то есть кроме того, что правитель не только не справился со своими обязанностями, он же еще и постарался лично укрыться от опасности. Безусловно, такое действие царя не могло вызвать одобрения со стороны очевидцев происходящего события, и в свою очередь, данное сообщение Латухинской Степенной книги явно свидетельствует о том, что царь в массовом сознании воспринимался не столь однозначно, как это представляют московские летописи.

Выявляя летописный образ царя, следует обратиться и к сведениям Никоновского свода, в котором также содержатся послания иерархов церкви, адресные и молитвенные обращения Ивана Грозного.

В летописном повествовании Никоновского свода царь, как и в Степенной книге, представлен в позитивном образе, который должен был вызывать у читателя чувства восхищения и гордости. Так, например,

начиная войну против казанских татар, Иван Грозный, по утверждению летописца, ни «славы мира сего» и «чести своему величеству» искал, но мыслил лишь «о порученомъ ему отъ Бога христианстве» [4, с. 191]. В митрополичьей грамоте конкретизируется, что по долгу своему царь воюет с казанцами «за святыхъ Божия церкви и за всехъ православныхъ христианъ, неповинне въ пленъ веденныхъ и разхищенныхъ и всяческими бедами отъ нихъ [казанцев. — А.Н.] томимы и многообразными страстьми оскверненныхъ» [там же, с. 193]. Летописец через приведение митрополичьей грамоты стремится создать устойчивое представление об Иване Грозном как царе-поборнике за своих поданных, то есть православных христиан, за землю русскую, являющуюся оплотом православной веры, а также за саму веру православную. Митрополит особенно подчеркивает мысль, что Иван Грозный стремится не просто усмирить врагов государства русского, а «подвизатися» за «святую и чистую нашу и пречестнейшую веру христианскую Греческаго закона», которую дьявол через силу крымских татар «и ихъ пособники поганыхъ», соответственно казанских татар, хочет истребить, а русскую землю, оплот православной веры, низвергнуть в «огнь негасимый и тьму кромешную» [там же].

Впоследствии и сам Иван Грозный, взывая к боярам и воинству отмечает в речи, что с казанскими татарами воевать прежде всего предстоит «за святыхъ церкви и за нашу православную христианскую веру». В этой же напутствующей речи царь напоминает войску и о том, что воевать также предстоит и за «едино-

родную нашу братию православные христиане, еже напрасно отъ многихъ летъ плененныхъ и зле стражущихъ отъ безбожныхъ сихъ Казанцовъ» [там же, с. 203]. Такое воззвание Ивана Грозного должно было оказать глубокое влияние на сознание современников, терпящих различные беды от перманентных набегов казанских татар. Царская речь прежде всего формировала отношение народа к предстоящему тяжелому сражению, но в то же время она играла и важную роль в складывании положительного представления о самом государе. Подтверждением такого восприятия является и приводимое летописцем ответное слово воинства, где конкретно указывается, что царь в сознании участников похода представляется тем человеком, который следует «истинному закону», то есть Божественному Закону. В данном случае возможно полагать, что происходит краткое сравнение деяний Ивана Грозного с деяниями ветхозаветных царей, которые должны были являться образцом для молодого русского царя. Следовательно, если при таком сопоставлении Иван Васильевич получает одобрительный отзыв, то и его образ в сознании участников воспринимался исключительно позитивно.

На утверждение позитивного образа царя в сознании современников XVI в. большое влияние оказала и одержанная победа над Казанью. Летописец Никоновского свода подробно показывает процесс прославления царя после взятия Казани, что в свою очередь не могло не оказать глубокого впечатления на сознание русского народа, а следовательно, и на формирование истори-

ческой памяти об Иване Грозном. По сведениям летописи, первое «здоровствование царя государя на царстве Казанском» состоялось на подступах к Казани после взятия города. Приводимый текст «здоровствования» воинством и боярами, принимавших участвовавшие во взятии города, а затем в прославлении царской особы в связи с одержанной победой, позволяет установить, что Иван Грозный воспринимается не иначе как «заступник от безбожных агарян», который освободил на веки от плена и разорения «бедных христиан», вместе с тем «нечестивое место» своей благодатью освятив [там же, с. 219]. После торжественного входа царя в город Ивана Васильевича здорововали и в самой Казани, где нарекают его «победителем варварским». Следует отметить, что летописец обращает особое внимание на эмоциональное впечатление, которое оказало шествие царя по завоеванной Казани на сознание победителей. Народ наблюдает триумфальное шествие православного «царя благочестивого» по тем местам, где еще буквально вчера «нечестивые царице [казанские. — А.Н.] водворялися и многая кровь христианская въ много летъ проливалася и много бед христиане принимали» [там же, с. 220]. Иван Грозный предстает в образе покровителя и защитника православного христианства, который готов повторить великий подвиг Иисуса Христа, заключающийся в самопожертвовании. Царь, ради спасения православного христианства, вверенному ему от Бога, словно великий подвижник был готов пожертвовать своей жизнью и всеми благами сего мира.

Общерусское прославление Ивана Грозного состоялось по мере возвращения царя из Казани в Москву. Хотя летописец о случае «здравствования» государя описывает только в Нижнем Новгороде, где «множество народа» всенародно в присутствии Ивана Васильевича молило Бога об умножении «лета живота» царя, который «избави нас отъ таковыхъ змий ядовитыхъ», от которых «же зле много летъ страдали есмя» [там же, с. 222-223], подобные процессии, безусловно, состоялись по прибытии Грозного и во Владимире, и в Суздале, и в Юрьеве, то есть во всех тех указанных летописцем городах, через которые пролегал царский путь к Москве. В столице царь был встречен также не только родовитой знатью, но и народом, которого собралось «толико множество», что «и поля не вмещааху ихъ». По свидетельствам летописца, Иван Грозный был приветствован как «победитель варварский» и «избавитель христианский» [там же, с. 223], что указывает на восприятие царя московским народом в героическом образе.

Важный вклад в формирование образа Ивана Грозного по случаю покорения Казани внес митрополит Макарий в ответном слове на благодарственную речь царя к митрополиту и священному собору за молитвы и духовную поддержку в бранном деле против казанских татар. Следует отметить, что наверняка данное слово было не только зафиксировано письменно с целью передачи его царю, но и легло в основу многих проповедей, произнесенных во время богослужений при обильном стечении народа как в храмах Москвы, так и других русских городов, посе-

лений. В своем слове митрополит Макарий прежде всего восхваляет «великие труды» царя «з братом своимъ княземъ Владимиромъ Андреевичемъ и со всеми своими христоролюбивыми воинствы», вновь прославляя царя как защитника православного христианства, православного государства и поборника православной веры. Однако большой интерес данное слово вызывает тем, что в нем Макарий подвиг и личность Ивана Грозного сопоставляет с историческими персоналиями, которые в народном историческом сознании уже были отчасти или полностью мифологизированы, и воспринимались как великие герои прошлого, возведенные к тому же в сан святых сподвижников.

Во-первых, Иван Васильевич сравнивается митрополитом с благочестивым и равноапостольным царем Константином, образ которого под влиянием трудов Евсевия Кесарийского, как пишет И.Ю. Ващева, в средневековой мысли выступал образцом благочестивого христианского правителя, мудрого и человеколюбивого, справедливого и непобедимого, монарха, но не тирана, защитника христианской веры и христианского государства. Составляющими образа, по уточнению Ващевой, являлось представление о Константине как победителе тиранов-язычников и тиранов-варваров, а также как о правителе, при котором происходило процветание государства в следствии божественного покровительства императору на протяжении всей его жизни [5, с. 46].

Во-вторых, праведными трудами Иван Грозный сподобился достичь славы своего великого прародителя

князя Владимира. Макарий напоминает, что прославился Владимир тем, что просветил «Русскую землю святым крещением», и «многихъ иноплеменныхъ победить» [4, с. 226]. Однако в этом напоминании прослеживается и параллель, согласно которой Иван IV, подобно великому прародителю Владимиру, является ярким заступником своего государства, ради безопасности которого решается на уничтожение очага постоянной угрозы, а кроме того, выступает вторым крестителем русской земли. Иван Васильевич просвещает светом православия новую отныне неотъемлемую восточную часть русской земли, которая входит в состав Московского царства на законных основаниях, благодаря результатам успешной завоевательной политики молодого царя.

Необходимо отметить, что сопоставление личности Ивана IV с императором Константином и князем Владимиром должно было оказать глубокое влияние на формирование образа царя в памяти современников. Таким образом, насаждается мысль о том, что Иван Грозный выступает «новым Константином», как когда-то таковым был, по замечанию летописца Повести временных лет, князь Владимир, который «иже крестився сам и люди своя» [6, с. 71]. В этом же сопоставлении прослеживается восходящая связь между деяниями названных персоналий: зарождение и установление православия в Риме — принятие истинной веры и просвещение ею русские земли — защита православной веры от посягательств на ее уничтожение и распространение свечка православия на безбожные народы. Кроме того, глубокое влияние

на сознание современников должно было оказать и то, что священным собором личность Ивана Грозного уже прижизненно воздвигается на один пьедестал со святыми в чине равноапостольных, коими русская церковь почитала императора Константина и князя Владимира.

В-третьих, сравнивается Иван IV и со своим великим предком князем Дмитрием, который «на Дону варвар победил». Образ Дмитрия Донского, как показывает А.С. Усачев, в литературных памятниках XVI в. выступал эталоном идеального христианского государя, воплотивший в себе как добродетели морально-этического характера, так и качества воинской доблести, позволившие проявить себя истинным правителем-героем [7, с. 104]. Вместе с тем образ Дмитрия Донского выступал олицетворением, как выражается сам Иван Грозный, «великой победы над безбожными агарянами» [8, с. 14]. Еще при деде Ивана Грозного ростовский архиепископ Вассиан Рыло поучал Ивана III, что Дмитрия Донского следует почитать за великого сподвижника, который сам «впереди бился и не пощадил жизни своей ради избавления христиан», и как надлежит то православному князю «он не только до крови, но и до смерти» готов был «страдать за веру и за Святые Церкви, за врученное ему Богом словесное стадо Христовых овец» [9, с. 392].

Соответственно, проводя сопоставление личности царя Ивана с персоной князя Дмитрия, митрополит Макарий стремится закрепить в исторической памяти за образом молодого царя тоже представление, которое в народном сознании устоялось

за образом Донского. Сравнение со столь ярким, широко известным и овеянным благоговейным почтением историческим образом князя Дмитрия, по мысли митрополита, должно было способствовать восприятию Ивана Васильевича как государя, который следуя примеру Донского также был защитником русского народа, русского государства и православной веры от безбожных врагов.

В-четвертых, возвеличивается Иван Васильевич и до уровня святого Александра Невского, победившего «Латынян», который русским народом почитался заступником Русской земли и основателем династии — московской ветви Рюриковичей [10, с. 164]. Стараниями русской церкви в сознании было сформировано устойчивое представление об Александре Невском как образце правительственной святости. Он идеальный правитель, и он же защитник веры христианской от всей иноплеменной брани [11]. В своей речи митрополит Макарий стремится представить Ивана Васильевича истинным последователем Александра, воздвигнув воедино тем самым молодого царя на высокий постамент славы благоверного князя.

Значительное влияние на положительное складывание образа московского царя в сознании современников должен был оказать и тот факт, что Иван Васильевич вел достаточно успешные войны против крымских татар, среди которых были не только оборонительные, но и наступательные. По свидетельству летописца, Иван Грозный неоднократно лично возглавлял такие оборонительные войны, как это произошло, например, и в 1555 г., когда Девлет-Гирей на-

правил свое войско под стены Тулы. Хотя крымский хан и развернул войска обратно, в данном описании важна реакция и действия Ивана Грозного, которые вновь позволяют его характеризовать истинным защитником русской земли и православного христианского народа. Как только до московского правителя дошла весть о том, что Девлет-Гирей идет к Туле, Иван IV незамедлительно «со всеми людьми въ четвертокъ рано» сам выступает к городу для его обороны. Переправившись в тот же день через Оку, как искусный верховный воевода, обеспокоенный благополучным исходом дела, царь «передовымъ полкомъ велель итти х Туле наспех» [4, с. 256], продолжая и сам следовать на помощь городу «не мешкая». Летописец обращает внимание, что от возможной катастрофы набега крымских татар туляков спасает именно прибытие Ивана Грозного в город, которое заставило крымского царя воротиться со всеми своими людьми обратно. Следует отметить, что это был не единственный случай, как свидетельствует летописец, когда крымский хан отказывался от похода на русские «украинные» земли по причине того, что русское войско не просто находилось в состоянии готовности вступить в бой, а было возглавляемо непосредственно Иваном Грозным. Соответственно, такой взгляд на разрешение ситуации-угрозы должно было оказать сугубое влияние на формирование образа Ивана Грозный, который не мог восприниматься своими современниками иначе чем с положительной стороны, в том числе как покровитель и защитник, сила и власть которого страшна исконным врагам русского государства.

Однако следует отметить, что в отношении войн с крымскими силами образ царя также не столь однозначен, как и в представлении Степенной книги. В приписках Никоновского свода содержится информация, что в 1571 г. «приходила къ Москве Крымской царь Девлетъ-Кирей ... Татарове посадъ зажгли» [там же, с. 300]. Но в отличие от Латухинской Степенной Книги, где только указывается, что царь мимо Москвы «прошел», летописец Никоновского свода более экспрессивен в повествовании. Так, он сообщает, что во время нашествия Дивлет-Гирея «царь и великий князь Иван Васильевич съ опричиною въ те поры шоль изъ Серпухова въ Бронниче село въ Коломенскомъ уезде, а изъ Броннича села мимо Москву въ Слобову», после чего обращает внимание, что «а къ Москве не пошел» [там же, с. 301]. Более того, никоновский летописец особо подчеркивает, что «царь и великий князь воротился къ Москве» только после того, как «пришла весть, что Крымский царь пошел прочь» [там же]. Как возможно заметить, повествование о действиях царя представлено в ярком негативном тоне, в котором отчетливо звучит негодование и осуждение государя. Иван Грозный косвенно, но явно представляется в образе труса, который бежит от опасности, бросая на произвол судьбы свое государство.

Выявляя образ Ивана Грозного в рамках официальной идеологии, большую ценность представляет «Ис-

тория о Казанском царстве». В «Истории», как и в Степенной книге и в Никоновском своде, Иван Грозный представляется исключительно с позитивной стороны, но в отличие от летописных сводов в «Истории» исторический портрет Ивана Васильевича представлен гораздо ярче, в связи с чем в произведении образ царя словно оживает¹. Автор старается определить чувства, испытанные царем в тот или иной переломный момент жизни. Автор проводит и сопоставления Ивана Грозного с выдающимися персонами минувших веков, что предоставляет возможность обозначить место царя в исторической памяти как современников, так и потомков.

Прежде всего Иван Васильевич представляется в образе защитника православных христиан. Каждый раз, «слышавъ и зря плач и рыдание» православных христиан из-за доставленных бед и горестей от набегов казанских татар, «люте печалуюся о них, яко оружиемъ уязвляшесе и утробою мятышесе, и сердцемъ боляшесе», «по вся часы мысляше, како бы что таковая противная воздати казанцем и поганой черемисе их» [13, с. 307]. Сформировать такой образ царя автор пытается и через текст приводимых молитв, в которых Иван Васильевич непрестанно молит о том, чтобы Господь «услышал стенание» православного христианства и спас «люди гиблющия». В определении характеристики царя, показательны и его действия. Царь «якоже отецъ чадолюбивый чад своих веселяше», оказывал прием и

¹ Как отмечает Т.Ф. Волкова, на протяжении всего произведения Иван Васильевич изображается смиренным и милосердным московским правителем, который был вынужден выступить против Казани из-за провокации непосредственно казанской стороной, при этом исследователь обращает внимание, что такое представление Ивана Грозного в «Истории» объясняет стремлением автора произведения нейтрализовать впечатление современников от последующих деяний Ивана Грозного [12].

почтение русским освобожденным пленникам. Иван Васильевич их «пищею и одеждами всем довольно учрежаше», а затем отдал приказ в «лодяхъ своихъ отсылаше их до Василягорода и восвоися оттуду ихъ разпущаше» [там же, с. 426]. Влияние на формирование царского образа как защитника православного христианства оказывало и указание автора о том, что ведущей причиной, из-за которой Иван Грозный выступает «на презлыя и неверныя недруги своя — казанския люди», было желание «мстити крови христианския».

В «Истории» Иван Грозный также характеризуется и как защитник Московского царства, который «с воеводами прилежаще, и симъ во вся дни живота своего с мудрыми советники своими поучашеся и подвизашеся, како бы очистити землю свою от поганыхъ нашествия и от частаго пленения ихъ» [там же, с. 506]. В «Похвале царю и великому князю и всем воеводам его и воем» летописец особенно подчеркивает мысль, что во все годы правления Ивана Грозного на русских землях был водворен мир и покой, так как «убояша бо ся крепкия силы его пагании цари, и устрашишася меча его нечестивии короли, и военачалницы нагайския, мурзы, усумнешася блещания копей его и щитов, и вострясошася, и побегоша немцы с магистром ото искуснейшихъ ратоборець, и сосече стремление люборатнымъ казанцем, и смирение прекланяетъ выа черемиска» [там же]. Кроме того, царь сумел не только одолеть врагов русского царства, но и «руския пределы на все страны разшири» [там же, с. 508].

Представлен Иван Грозный в «Казанской истории» и в образе не-

преклонного ревнителя и поборника истинной веры христианской, который в случае успешного завершения войны с казанами обещает Господу «мечети поганыя раскопати и святыя церкви воздвизати на местехъ ихъ» [там же, с. 482].

Автор приводит восприятие образа Ивана Грозного не только русской стороной, но и казанской. Так, в «Истории» повествуется, что волхвы предсказывали рождение в русском государстве сильного царя, который «возмятетъ многими странами, и царства многия попленит, и смиритъ, и одолеетъ иноязычными землями, и грады ихъ примет и озлобит, и никто же от царей нашихъ срацынскихъ и королей латинскихъ возможетъ противитися ему, аще же и постоит, но и побежени будутъ» [там же, с. 468]. Так, автор старается показать, что казанская сторона изначально признала Ивана Грозного как очень серьезного противника, сильного и энергичного политического деятеля, возглавляющего соседнее враждебное государство. Однако возможно предположить, что данное описание специально вводится в текст, поскольку одной из задач автора, как указывает Т.Ф. Волкова, было представить царя как решительного поборника с «басурманским» злом, с которым не смогли справиться его предки [12, с. 316]. Установить доподлинное восприятие казанцами Ивана Грозного практически невозможно, поскольку большинство казанских источников, которые могли бы свидетельствовать об эпохе царствования Ивана IV, как отмечает татарский ученый Р. Фахрутдинов, были уничтожены в результате завоеваний, восстаний, а также из-за по-

следствий многочисленных пожаров и миссионерских погромов [14, с. 4].

В исследовании оценочных суждений об образе Ивана Грозного необходимо обратиться и к содержанию Лебедевской летописи, которую Д.М. Володихин называет основным источником по истории Полоцкого взятия в 1563 г. По мнению ученого, текст о взятии Полоцка, впоследствии вошедший в состав Лебедевской летописи, был написан в конце 1560-х – начале 1570-х гг. на основании «Памяти» о Полоцком походе, автором которого был участник событий дворянин Михаил Безнин [15, с. 49-62]. В связи со взятием Полоцка царь вновь прославляется как защитник русского государства и православной веры. Такой образ, прежде всего, формируется под глубоким влиянием послания новгородского архиепископа Пимена, который отмечает, что как православный царь Иван Грозный должен «побарати храбре противу безбожных Литвы и прескверныхъ Лютор за имя господне и за святыхъ церкви и за богом порученную ему державу» [16, с. 36]. В послании епископ неоднократно выделяет мысль о том, что православная церковь, а вместе с ней и все православные христиане, взирают на Ивана Васильевича как их покровителя перед «врагами креста Христова». По словам Пимена, только «боговенчанному царю», то есть Ивану Васильевичу, окажется по мощи «православие от неверных свободити и церкви разоренныя соградити и велелепиемъ образа Христова украсити их в первое достояние» [там же, с. 307].

Не меньшее влияние на формирование позитивного образа царя оказала и речь коломенского епископа Вар-

лама по случаю победы в борьбе с Полоцком. Иван Грозный всенародно здравствуется епископом как «государь царь и великий князь» «самодержец на своей отчине и дедине града Полотцска» [там же, с. 313]. В столь кратком прославлении Иван Грозный представляется не просто мужественным и славным царем, а характеризуется правителем, который стремится как сохранить то государство, которое ему досталось в наследство, так и преумножить его, за счет возвращения исконно русских, «дедовых» земель в лоно русского царства.

В целом же рассказ о взятии Полоцка способствует складыванию представления о царе, по замечанию Д.М. Володихина, как об абсолютно самостоятельном в своих решениях полководце, полновластным хозяином армии, к тому же смелом человеке, попадавшем во время Полоцкой кампании в рискованные ситуации, но не терявшем присутствия духа [17, с. 35].

Таким образом, в системе оценки московского летописания Иван Грозный преимущественно представляется тем русским государем, который соответствовал образу истинного правителя, вполне справлявшегося со своими обязанностями по защите православного государства и его населения от вражеской силы. Хотя в то же время в летописных сведениях и подчеркивается, что всецело положительного отзыва Иван Грозный заслужить не может, поскольку наравне с героем-защитником православного государства и православного христианства проявил себя и со стороны антигероя: правителя, который не смог предотвратить угрозу для государства, допустив сожжение царственного града, при этом сам бежав от опасности.

**СПИСОК ИСТОЧНИКОВ
И ЛИТЕРАТУРЫ**

1. *Ключевский, В.О.* Русская история. Полный курс лекций [Текст] / В.О. Ключевский. — Т. I. — М.: АСТ, 2002.
2. Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: Тексты и коммент.: В 3 т. [Текст] / отв. ред.: Н.Н. Покровский, Г.Д. Ленхофф. — Т. 2. Степени XI–XVII: с прил. и указ. / подгот. под рук. акад. Н.Н. Покровского. — М.: Языки славянских культур, 2008.
3. Латухинская степенная книга. 1676 год [Текст] / изд. подгот. Н.Н. Покровский, А.В. Сиренов; отв. ред. Н.Н. Покровский. — М.: Языки славянской культуры, 2012.
4. ПСРЛ (Полное собрание русских летописей). — Т. 13 [Текст]. — М.: Языки русской культуры, 2000.
5. *Ващева, И.Ю.* Константин Великий: вариации образа в христианских историях поздней античности [Текст] / И.Ю. Ващева // Вестник нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. — 2013. — №4(3). — С. 46-58.
6. Повесть временных лет / под ред. Н.В. Розман [Текст]. — М.: Эксмо, 2011.
7. *Усачев, А.С.* «И цвет прекрасный царя Владимира...» [Текст] / А.С. Усачев // Родина. — 2012. — №1.
8. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским [Текст] / под ред. Д.С. Лихачев. — Л.: Издательство «Наука», 1979.
9. Послание на Угру Вассиана Рыло [Текст] / подготовка текста Е.И. Ванеевой // Библиотека литературы Древней Руси. XV в. — Т. 7. — СПб.: Наука, 1999.
10. *Бегунов, Ю.К.* Житие Александра Невского в русской литературе XIII–XVIII веков [Текст] / Ю.К. Бегунов // Князь Александр Невский и его эпоха: исследования и материалы. — СПб., 1995.
11. *Зайцев, А.* Александр Невский — вечно меняющаяся фигура русской истории [Текст] / А. Зайцев // Нескучный сад: журнал о православной жизни. — 2012.
12. *Волкова, Т.Ф.* Работа автора «Казанской истории» над сюжетом повествования об осаде и взятии Казани [Текст] / Т.Ф. Волкова; АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин-

ский Дом); отв. ред. И.П. Еремин. — М.-Л., 1985. — Т. 39.

13. Казанская история [Текст] / Подготовка текста и перевод Т.Ф. Волковой // Библиотека литературы Древней Руси. XVI в. — СПб.: Наука, 2000.
14. *Фахретдинов, Р.С.* Асар. [Текст] / Р.С. Фахретдинов — Казань: Университетское издание, 1900.
15. *Володихин, Д.М.* Лебедевская летопись о взятии Полоцка войсками Ивана IV в 1563 г. (Вопросы атрибуции) [Текст] / Д.М. Володихин // Вестник МГУ. — Сер. 8 (история). — 1995. — № 1.
16. ПСРЛ. — Т. 29 [Текст]. — М.: Знак, 2009.
17. *Володихин, Д.М.* Грозный царь московитов: Артист на престоле [Текст] / Д.М. Володихин. — СПб.: Амфора, 2014.

REFERENCES

1. Begunov Yu.K., Zhitie Aleksandra Nevskogo v russkoj literature XIII–XVIII vekov, *Knyaz Aleksandr Nevskij i ego epoha: issledovaniya i materialy*, Saint-Petersburg, 1995. (in Russian)
2. Fahretdinov R.S., *Asar*, Kazan, Universitetskoe izdanie, 1900. (in Russian)
3. Kazanskaya istoriya, Podgotovka teksta i perevod T.F. Volkovoj, *Biblioteka literatury Drevnej Rusi. XVI v.*, Saint-Petersburg, Nauka, 2000. (in Russian)
4. Klyuchevskij V.O., *Russkaya istoriya. Polnyj kurs lekcij*, T. I, Moscow, AST, 2002. (in Russian)
5. *Latuhinskaya stepennaya kniga. 1676 god*, Izd. podgot. N.N. Pokrovskij, A.V. Sirenov, ed. N. N. Pokrovskij, Moscow, Yazyki slavyanskoj kultury, 2012. (in Russian)
6. *Perepiska Ivana Groznogo s Andreev Kurbskim*, ed. D.S. Lihachev. Leningrad, Nauka, 1979. (in Russian)
7. *Poslanie na Ugru Vassiana Rylo*, Podgotovka teksta E.I. Vaneevoj, *Biblioteka literatury Drevnej Rusi. XV v.*, T. 7, Saint-Petersburg, Nauka, 1999. (in Russian)
8. *Povest vremennyh let*, ed. N.V. Rozman, Moscow, Eksmo, 2011. (in Russian)
9. *PSRL (Polnoye sobranie russkikh letopisej)*, T. 13, Moscow, Yazyki russkoj kultury, 2000. (in Russian)
10. *PSRL*, T. 29, Moscow, Znack, 2009. (in Russian)

11. *Stepennaya kniga carskogo rodosloviya po drevnejshim spiskam: Teksty i komment.: V 3 t.*, ed. N.N. Pokrovskij, G.D. Lenhoff; T. 2. Stepeni XI–XVII: S pril. i ukaz., Podgot. pod ruk. akad. N.N. Pokrovskogo, Moscow, Yazyki slavyanskij kultur, 2008. (in Russian)
12. Usachev A.S., “I cvet prekrasnyj carya Vladimira...”, *Rodina*, 2012, No.1. (in Russian)
13. Vashcheva I.Yu., Konstantin Velikij: variacii obraza v hristianskih istoriyah pozdnej antichnosti, *Vestnik nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, 2013, No. 4 (3), (in Russian)
14. Volkova T.F., *Rabota avtora “Kazanskoj istorii” nad syuzhetom povestvovaniya ob osade i vzyatii Kazani*, AN SSSR. In-t rus. lit. (Pushkinskij Dom); ed. I.P. Eremin. Moscow, Leningrad, 1985, T. 39. (in Russian)
15. Volodihin D.M., *Groznyj car moskovitov: Artist na prestole*, Saint-Petersburg, Amfora, 2014. (in Russian)
16. Volodihin D.M., Lebedevskaya letopis o vzyatii Polocka vojskami Ivana IV v 1563 g. (Voprosy atribucii), *Vestnik MGU*, Ser. 8, 1995, No. 1. (in Russian)
17. Zajcev A., Aleksandr Nevskij — vечно menyayushchayasya figura russkoj istorii, *Neskuchnyj sad: zhurnal o pravoslavnoj zhizni*, 2012. (in Russian)

Новолодский Алексей Сергеевич, аспирант, институт истории и международных отношений, Южный федеральный университет; учитель истории, гимназия № 118, г. Ростов-на-Дону, sdfh.92@mail.ru

Novolodsky A.S., Post-Graduate Student, Institute of History and International Relations, Southern Federal University; Teacher of History, Gymnasium № 118, Rostov-on-Don, sdfh.92@mail.ru